

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 12—23.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 12—23.*

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2024.3.2

## **О ЗНАЧИМОМ И ДОРОГОМ ГОЛОСЕ ПИСАТЕЛЯ: ДВА ПИСЬМА Е.Л. МАРКОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ**

**Валерия Геннадьевна Андреева**

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,  
г. Москва; Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия,  
lanfra87@mail.ru

**Аннотация.** В статье впервые в литературоведении рассматриваются два письма Е.Л. Маркова к Л.Н. Толстому, которые не были ранее опубликованы. Письма, хранящиеся в рукописном отделе Государственного музея им. Л.Н. Толстого в Москве, проанализированные в данной работе, содержат важную информацию, необходимую для описания взаимоотношений известного писателя и педагога, проведения значимых параллелей. Автор статьи осмысляет точки сближения и расхождения двух современников, их взгляды на педагогику, художественное творчество, раскрывается полемическое отношение Маркова ко многим крайностям Толстого, а при этом его глубокое восхищение талантом писателя и его способностью к наполненной жизни в деревне. Впервые образ Толстого-хозяина, педагога, земского деятеля и агронома рассматривается как прототип героя Суворцева в романе Маркова «Черноземные поля». Письма Маркова позволяют прояснить некоторые важные моменты и детали жизни Толстого, а также содержат глубокую мысль о степени влияния выдающегося человека на окружающих его людей, особенно на круг его общения. В статье показано возможное влияние идей Маркова, его педагогического опыта на Толстого, отмечается, что определенная полемика, развернувшаяся между Толстым и Марковым по поводу вопросов народного образования, могла косвенно повлиять и на важнейшие историко-философские проблемы, поднятые писателем позднее в романе-эпопее «Война и мир».

**Ключевые слова:** Л.Н. Толстой, Е.Л. Марков, переписка, педагогика, журнал «Ясная Поляна», обучение, крестьянские дети, творческое взаимовлияние

**Для цитирования:** Андреева В.Г. О значимом и дорогом голосе писателя: два письма Е.Л. Маркова к Л.Н. Толстому // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 12—23.

Несмотря на почти полностью опубликованное наследие Толстого, в его корреспонденции с писателями, публицистами и литераторами до сих пор остается немало пропусков и пробелов. Они связаны преимущественно с отсутствием полных научных комментариев, а также подробного анализа важнейших фактов и событий, раскрывающих взаимодействие талантливых современников, их творческое и человеческое влияние друг на друга.

Но в ситуации с перепиской Толстого и Маркова все обстоит еще сложнее. Не только читатели, но и литературоведы фактически не знают истории взаимоотношений Толстого и талантливого педагога, очеркиста, писателя третьего ряда Маркова, между тем, эта небольшая переписка открывает ценные факты, связанные с жизнью и деятельностью авторов, их убеждениями. Данная статья

восстанавливает значительное упущение толстоведения, заключающееся в забвении фигуры Маркова, его статей о Толстом и творчестве писателя, яснополянской школе и журнале «Ясная Поляна». В работе впервые вводятся в научный оборот цитаты из неопубликованных писем Маркова к Толстому, рукописи которых хранятся в Государственном музее им Л.Н. Толстого в Москве.

Сейчас мы располагаем всего лишь двумя сохранившимися письмами Маркова к Толстому, ответные письма Толстого, к сожалению, не сохранились. Точнее, судя по началам обоих писем, правильнее будет сказать, что послания Маркова были в некотором роде «ответными», поскольку оба они написаны как реакция на послания Толстого. Письмо от 15 июня 1862 г.: «Я получил записочку Вашу очень поздно...»; письмо от 11 апреля 1866 г.: «Благодарю Вас за Ваше дружелюбное письмо, Лев Николаевич...» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

По всей видимости, именно в связи с отсутствием писем самого Толстого Маркову об истории взаимоотношений писателей не сказано подробно в Юбилейном полном собрании сочинений Толстого. Нет писем Маркова и в «Переписке Л.Н. Толстого с русскими писателями», выдержавшей два издания [Переписка]. Между тем письма корреспондентов в данном случае являются лучшим ключом не только для понимания истории взаимодействия современников, но и для осмысления некоторых особенностей характера и поведения Толстого и Маркова. О Маркове справедливо писал Н.Н. Гусев, оценивая взаимодействие гениального писателя с Марковым как показатель того, что «Толстой уже в то время своей сильной личностью и своим энтузиазмом мог оказывать большое влияние на тех, кто входил с ним в близкое общение» [Гусев: 482]. В литературоведении этот факт так и остается практически неосвещенным. Однако необходимо отметить, что и Марков отчасти повлиял на Толстого — два послания Маркова, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют на основании реальных документов говорить о взаимовлиянии современников.

Евгений Львович Марков (1835—1903) если и известен кому-либо из литературоведов, историков, культурологов, то прежде всего как публицист, педагог, путешественник, автор путевых записок и очерков, критик, специалист по Крыму, директор училищ Таврической губернии, а уже далее — как писатель. Директором училищ Таврической губернии и директором Симферопольской гимназии Марков был назначен с конца 1865 г. Он очень полюбил Крым, много путешествовал (в том числе по Европе и Востоку), считал свое назначение в Крым большой удачей. В отставку ушел из-за несогласия с позицией министра народного просвещения Д.А. Толстого. Маркову принадлежат множество талантливо написанных путевых очерков, в том числе «Русская Армения», «Очерки Крыма», «В братской земле» и др., им создан объемный роман «Черноземные поля» (1878), глубинно связанный с фигурой Толстого.

Марков родился в дворянской семье в Курской губернии, окончил Харьковский университет, преподавал географию в Тульской гимназии, затем был инспектором гимназии. Именно в Туле Марков познакомился с Толстым, который часто бывал в Тульской гимназии. Инспектором, а потом и директором последней был назначен Иван Федорович Гаярин. Писатель общался как с Гаяриным, так и с Марковым, последний не раз бывал у Толстого в гостях, много обсуждал с ним педагогические планы и замыслы. По всей видимости, Толстому нравился образ мыслей Маркова и его живой ум, он предлагал ему стать соредактором «Ясной Поляны», но Марков отказался. Толстой записал об этом факте в дневнике от 6 мая 1861 г.: «Меня назначили мировым посредником, я принял. Поехал в Тулу, много болтал и начинаю гордиться и потому глуп.

Марков отказался от соредакторства в журнале. И вообще мысль журнала слабеет» [Толстой 48: 37].

Во время увлечения школой и педагогикой Марков много общался с Толстым и хорошо знал состояние дел в Ясной Поляне. В малоизвестной статье «Грехи и нужды нашей школы» Марков пишет о том, что Толстой часто бывал у них в гимназии в Туле, познакомившись с главными руководителями и мужской, и женской гимназий. А учителя нередко посещали Толстого в Ясной Поляне, следили за успехами его подопечных.

Первое письмо Маркова написано Толстому в то время, когда последний находился в Самарских степях — Толстой уехал туда с целью поправки пошатнувшегося здоровья: «12 мая 1862 г. в состоянии измождения от дел и проблем, а также от кашля, переживаний за здоровье, Толстой отправился на кумыс в Самарскую губернию. Утомление писателя было связано не с каким-либо конкретным происшествием, но с целой чередой сложностей, а одновременно и плохо продвигавшихся дел, требовавших его внимания» [Андреева, Калужная: 87].

Написанное из деревни Тихвинской Тульской губернии, это первое послание от 15 июня 1862 г. наполнено новостями и описаниями произошедшего — Марков сообщает о своей семье, о пребывании в деревне Тихвинская в семи верстах от Ясной Поляны, рассказывает Толстому о новостях и знакомых, а также сообщает, что ожидает выхода своей статьи, посвященной журналу «Ясная Поляна».

Письмо начинается с известия о позднем получении Марковым записки Толстого по причине задержки Маркова на все лето в окрестностях Тулы из-за плохого самочувствия супруги. Впрочем, тон письма открывает, что Марков был рад такому положению дел, так как оказался одним из непосредственных соседей Толстого: «Вследствие сего мы живем теперь на даче в 12 верстах от города Вашими соседями, в дер. Тихвинской, г-на Соковнина, вместе с Ауэрбахами. Ясная в 7 верстах, и вся дорога идет старым Киевским большаком по прелестнейшему лесу» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Известно, что в Самаре Толстой отправился, уже подозревая у себя начало чахотки и находясь в угнетенном состоянии из-за приступов мучившего его кашля. Писателю стало несколько лучше уже в пути, о чем он записал в дневнике от 20 мая 1862 г.: «На пароходе. Как будто опять возрождаюсь к жизни и к сознанию ее» [Толстой 48: 40]. Марков, конечно, мог знать об улучшении состояния Толстого из записочки самого писателя, однако заметно, что тон письма Маркова был направлен в том числе на поднятие настроения Толстого. «...Еще более все мы надеемся на то, что Вы скоро вернетесь жирным киргизом и будете посещать нашу скучающую компанию», — писал Марков [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33]. Образ «жирного киргиза» появляется в письме не случайно. Позднее, в книге «Грехи и нужды нашей школы» Марков вспоминал, как Толстой, уезжающий в самарские степи, шутливо говорил: «“Не буду ни газет, ни писем получать; забуду, что такое книга; буду валяться на солнце брюхом вверх, пить кумыс да баранину жрать! Сам в барана обращусь, вот тогда выздоровлю!”» [Марков 1900: 28].

Сразу вслед за описанием внешнего вида так ожидаемого домой выздоровевшего писателя Марков сообщал, что вся компания педагогов и соратников писателя очень жаждет его рассказов, впечатлений и «теории башкирской педагогики». Скорее всего, под этим выражением Марков подразумевал запланированную работу Толстого над статьей о воспитании и образовании, которую он намерен был вести и во время пребывания в степях Киргизии.

Марков сообщает Толстому об очередном выходе журнала «Ясная Поляна»: «Ваша IV книжка вышла, худая-прехудая, но статьи все всем нам нравятся, не только Ваша собственная, но и какого-то А.Э. ...». В письме речь идет о выпуске журнала «Ясная Поляна» за апрель 1862 г. «Худой-прехудой» книжка названа потому, что выпуск был тоньше других и насчитывал всего 46 страниц. А под инициалами А. Э. скрывается в послании Альфонс Александрович Эрленвейн (1840—1910) — учитель толстовских школ: статья «Еще о Бабуриной школе» на страницах 27—41 апрельского выпуска «Ясной Поляны» была подписана как раз инициалами А.Э. Собственно, это сообщение о выходе в журнале «Ясная Поляна» статьи единомышленника и соратника Толстого позволяет еще раз акцентировать внимание на том, что журнал издавался по результатам практической деятельности Толстого и его помощников.

Далее Марков упоминает о своей собственной статье, которая принесла ему значительную славу: «Статьи моей что-то не видать, как майской книжки “Русского вестника”» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33]. Марков в то время ожидал выхода в «Русском вестнике» своей статьи «Теория и практика яснополянской школы», о которой он к этому времени рассказал Толстому. Статья была опубликована в № 5 журнала за 1862 г. Исследователи уже обращали внимание на тот факт, что именно эта статья Маркова принесла ему значительную славу: «Евгений Марков быстро продвигался по службе и скоро стал инспектором гимназии. Благодаря упомянутой статье на него обратили внимание в Министерстве народного просвещения — ему было предложено место в ученом комитете, а в 1865 г. состоялось его назначение директором Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму» [Абибуллаева: 132].

Толстой очень ожидал реакции общественности на появление своего педагогического журнала; несколько статей, опубликованных в периодической печати, казались ему мало освещающими важное дело народного образования. Несомненно, ждал Толстой с нетерпением отклика М.Н. Каткова или его журнала. Катков как редактор «Русского вестника» сначала сам планировал написать рецензию на выход «Ясной Поляны», но статья Маркова очень спасла положение и освободила Каткова. Дело в том, что Катков скорее даже отрицательно относился к педагогической деятельности Толстого, а тем более к изданию им журнала. Мы уже отмечали, что, пытаясь сохранить расположение Толстого, который был очень дорог ему как автор, Катков советовал писателю издавать сначала не журнал, требующий регулярного выхода и постоянных усилий редактора и его команды, но бессрочный сборник, книги которого могли бы продаваться особо [Андреева 2024: 28]. А в письме от 7 января 1862 г. «Катков дал негативную оценку одной из педагогических статей Толстого, вероятнее всего, статьи “О народном образовании”, созданной Толстым под впечатлением заграничного путешествия» [Там же]. Однако одно дело — частные письма и личная переписка, а другое дело — изданная в журнале статья. При всем мастерстве редактора и публициста Каткову, по всей видимости, было сложно написать статью, которая не испортила бы его взаимодействия с Толстым, но при этом продемонстрировала отношение редакции «Русского вестника» к педагогическим опытам Толстого.

А Марков смог написать статью, которая одновременно удачно выражала его личные взгляды на работу Толстого, на размышления и выводы писателя и педагога, обозначенные в журнале «Ясная Поляна», а при этом логично соотносилась с позицией «Русского вестника» и Каткова. Кроме того, как мы

уже отметили, тема и вопросы, за разбор которых не побоялся взяться Марков, значительно повысили его собственный авторитет.

Однако необходимо отметить, что в статье, опубликованной в «Русском Вестнике», похвала Маркова в адрес Толстого гораздо более лаконична, нежели в его работе «Грехи и нужды нашей средней школы», в которой Марков отмечал огромные результаты, к которым пришел Толстой в своей школе: «Этими почти невероятными результатами яснополянская школа была обязана ... исключительно обаятельному таланту Льва Николаевича, который непобедимо захватывал и поднимал с собою в высоту и ширь самый вялый ум, самое невпечатлительное сердце» [Марков 1900: 25]. Некоторая разность оценок, конечно, может объясняться и тем, что последняя книга Маркова написана гораздо позднее, когда писатель скорее вспоминал свою молодость и общение с Толстым, оценивал их более объективно.

А в работе Маркова «Теория и практика яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя» констатируются не только значительные заслуги Толстого как уникального педагога, но анализируются ошибки и увлечения писателя в его журнальных статьях. Самое главное — Марков решительно не принимал отвержение Толстым идеи прогресса и иллюстрировал абсурдность такой точки зрения. В связи с тем, что статья Маркова достаточно редко упоминается и очень содержательна, считаем необходимым привести некоторые важные цитаты и логические заключения автора.

Марков начинает с того, что высоко оценивает появление нового педагогического журнала «Ясная Поляна», которое, как он пишет, «очень порадовало друзей народа и образования» [Марков 1862: 151]. Далее автор статьи сообщает о непосредственном родстве ему и коллегам педагогических опытов Толстого: «Тульская же гимназия с особенною симпатией может приветствовать это новое издание. <...> На ее глазах выросла молодая школа, которой оригинальное устройство стало теперь знакомо публике посредством замечательного двухмесячного отчета редактора Ясной Поляны, устроителя и вместе учителя этой самой школы» [Там же: 149].

Однако все три части статьи вполне критические, Марков смело возражает Толстому. И самое главное недоумение Маркова касается того, что Толстой «относится совершенно отрицательно к педагогике и к истории развития человечества вообще; его скептицизм самого радикального свойства» [Там же: 151]. Марков убежден, что жизнь историческая представляется Толстому какою-то автоматическою и фаталистическою сменой одних организмов другими, что автор увлекся идеей органического развития природы. Очень важно и примечательно, что в своей статье Марков затрагивает вопрос истории развития человечества и отмечает, что, по мнению Толстого, люди развиваются бессознательно. Марков останавливается на этом вопросе с пояснениями и примерами, показывая неизменное участие сознательных сил людей в движении истории: «Ход истории, то есть жизни человечества, заключается именно в этих многообразных, перепутанных влияниях одной воли на другую, в этих сознательных вмешательствах одного человека в жизнь другого. Следовательно, истории бессознательной быть не может, и дальнейший шаг истории без участия сознательных сил — не мыслим» [Там же: 151].

По нашему мнению, эти важнейшие возражения Маркова в дальнейшем побудили Толстого к размышлению над указанной проблемой в «Войне и мире» — в течение нескольких лет Марков был одним из близких друзей и хороших собеседников Толстого.

Марков находит у Толстого немало непоследовательных моментов и противоречий, он показывает, что писатель и педагог бьется над определением цели и значения науки образования, существование которой в других местах своей статьи совершенно отвергает: «Он хлопочет о том, как бы лучше вмешаться в образование детей, а предварительно отнял у человека всякое право вмешиваться в развитие другого и признал в этом вмешательстве не пособие, а положительное препятствие образованию» [Там же: 152].

Так, критик справедливо показывает противоречие между стремлением Толстого содействовать образованию народа, а при этом его же нежеланием допускать образованные слои к работе с крестьянами. «Он увлекся ненавистью к деспотизму до деспотизма...» — пишет Марков [Там же: 155]. Критик недоумевал, в чем же будет состоять роль образователя, если он будет руководствоваться исключительно волей тех людей, которых необходимо образовывать. В том, что Толстой полностью отделил образованный класс от народа, Марков видел большое недоразумение.

По мнению Маркова, который, по всей видимости, беседовал с самим Толстым по этому вопросу, писатель в своей односторонности отрицания высшего класса и его образа жизни уравнивал ситуацию с образованием в России и Европе. Между тем Марков справедливо полагал, что европейская система образования стройна и логична, не лишена недостатков, но прогрессивна. Н.З. Коковина и Д.Е. Соловьев отметили, что «особой чертой саморепрезентации Маркова в тексте была его “европейскость”»; она представляла собой главную, наиболее характерную черту образа автора. Писатель путешественник являлся для своих читателей тем человеком, который обладал хорошим знанием европейской культуры, понимал ее плюсы и минусы, видел в приобщении к ней прогрессивный путь для “цивилизации” народов» [Коковина: 9].

В возражениях Маркова Толстому чувствуются слабые стороны убеждений и философии писателя, которые всегда были характерны для Толстого и позднее проявились в его публицистике. Марков тонко подмечает, что редактор «Ясной Поляны» безосновательно, исключительно на базе собственных доводов, без ссылок на ученых и исторические авторитеты, делает решительные выводы, к примеру, о том, что средневековая школа лучше современной. Марков показывает неуместные сравнения и обобщения Толстого, которые приводят к искаженной картине. Примером может быть сравнение школы с жизнью. «Да разве школа имела когда-то претензию заменить жизнь?» — спрашивает автор [Марков 1862: 165].

Статья Маркова открывает и главную причину его отказа от предложения Толстого работать в журнале «Ясная Поляна». Помимо учительского коллектива, многие члены которого не были достаточно подкованы, чтобы работать в журнале, у Толстого в это время не было подходящих знакомых для распределения обязанностей по изданию. И в этом плане преподаватели тульской гимназии наиболее подходили для задуманного писателем дела. Считая Толстого гениальным художником и одним из самых интересных людей современности, Марков, тем не менее, не хотел втягиваться в толстовскую педагогику — нельзя исключать, что он провидчески понимал, что школы Толстого и его журнал — явления временные, которые скоро уступят место художественному творчеству великого писателя.

Несмотря на несогласие с Толстым в ряде вопросов, статья Маркова содержит яркие и восторженные характеристики педагогической работы и особенно школы Толстого, его отношения к детям. Марков отмечает, что писатель

жил одной жизнью со своими учениками, что это была семья, а не школа, в которой Толстой полюбил детей душой артиста. По мнению Маркова, в то время, когда в образовательные учреждения проникла механизация, обезличившая учителей и учеников, Толстой на основании своего индивидуального подхода работы противостоял этим негативным веяниям.

Толстой не смог промолчать после появления статьи Маркова. В дневнике от 23 августа 1862 г., находясь в Москве, он записал: «Надо писать 2 статьи: о Маркове и о Комитете грамотности...» [Толстой 48: 40]. Толстой возразил Е.Л. Маркову в статье «Прогресс и определение образования», которая была напечатана в № 12 журнала «Ясная Поляна», — в этой почти непедagogической работе Толстой на самом деле отрицает прогресс и цивилизацию. Н.Н. Гусев отметил, что «Прогресс и определение образования» «почти не касается педагогических вопросов. Она является ответом на статью о “Ясной Поляне” тульского педагога Е.Л. Маркова, напечатанную в “Русском вестнике” за 1862 год». «Отвечая Маркову, Толстой защищает принцип свободного обучения и решительно восстает против права высших классов вмешиваться в дело народного образования. Он считает, что вмешательство высших классов в дело народного образования “несправедливо, но выгодно для высших классов”, и эта “их несправедливость кажется им правом, как казалось правом крепостное право”» [Гусев: 525].

Разумеется, нельзя однозначно согласиться с Н.Н. Гусевым в том, что Толстого смутил исключительно спор по вопросу вмешательства дворянства в образование народа — писатель возражал Маркову по ряду пунктов, точнее, пытался еще раз убедить читателя в справедливости собственных умозаключений. И тем глубже и основательнее озаботился Толстой вопросом о роли личности в истории.

В своем первом послании Толстому Марков сообщал также о перемещениях брата и сестры писателя — С.Н. Толстого и М.Н. Толстой, передавал Толстому поклоны от Ауэрбахов (Речь идет о семье Ауэрбахов: Германе Андреевиче Ауэрбахе, владевшим имением Горячкино около Тулы, и его жене Юлии Федоровне Ауэрбах (рожд. Берхгольц), которая была начальницей женской гимназии в Туле. Старший брат Г.А. Ауэрбаха, Андрей Андреевич Ауэрбах был женат на другой сестре Берхгольц, Анастасии Федоровне).

В то время как С.Н. Толстой направился в Швейцарию (Марков сообщал об этом в своем письме), М.Н. Толстая выехала оттуда в Россию, в Ясную Поляну, где в отсутствие Толстого и при его сестре был произведен обыск. Л.Н. Толстой писал об этом С.Н. Толстому 6 августа 1862 г: «Маша выехала из Вех в тот самый день, как ты выехал из Тулы. Она пробудет здесь до 17 августа. <...> Главное событие, случившееся у нас во время твоего отсутствия, это посещение Ясной Поляны жандармами» [Толстой 60: 431—432]. Свидетелями этого знаменитого обыска, произведенного в отсутствие хозяина в Ясной Поляне (в самой усадьбе и школах), стали как раз Марков и Ауэрбах. Марков впоследствии отмечал, что данный обыск стал одной из причин охлаждения Толстого к педагогической деятельности.

Критическая статья Маркова в «Русском вестнике» не мешала педагогу удивляться многосторонней деятельности Толстого, наблюдать за его творчеством и восторгаться его писательскими способностями. Хотя и не все произведения Толстого Марков находил идеальными. Маркову принадлежит критическая статья о «Казаках», которая расстроила писателя. 20 марта 1865 г. Толстой

записал в дневнике: «Критика Маркова — плохо. Дорожит мыслью и сердится. Сам-то ты что сделаешь?» [Толстой 48: 61].

Марков не всегда понимал ценность времени, проведенного рядом с удивительным человеком. Лишь после отъезда в Крым и продолжения там своей педагогической деятельности Марков осознал, как он тоскует без Толстого. Второе из известных нам двух писем Маркова написано из Симферополя, после переезда семьи Марковых в Крым. По тональности и настроению письмо является дружеским и непосредственным — Марков рассказывал о Крыме и особенностях южной жизни, спрашивал Толстого о его романе «Тысяча восьмьсот пятый год», начавшем выходить в журнале «Русский вестник». К сожалению, нам неизвестен текст письма Толстого, но судя по благодарности Маркова за дружественное письмо, которое ему «было особенно дорого получить в Крыму», и по уверению в том, что Толстой угадал в нем своеобразную привязанность, Марков скучал по Толстому, ему не хватало общения с писателем, ведь их объединяли схожие интересы, любовь к языку и литературе, к семье и хозяйству, переживания о народе и увлечение педагогикой.

11 апреля 1866 г. Марков писал Толстому из Симферополя: «Благодарю Вас за Ваше дружелюбное письмо, Лев Николаевич, которое было особенно дорого получить в Крыму. Вы действительно угадали во мне пристрастие к такого рода людям, как Вы; в этом, впрочем, мало удивительного: Русь наша не баловала людьми ни нашу историю, ни нашу современность, и в сей, более, чем в какой другой доселе, можно верить слову Гёте: “*В мире так мало голосов и так много эхо*”. Естественно дорожить такими “голосами” и стремиться к ним, изредка встречая их» (курсив мой. — В.А.) [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Марков очень интересно строит начало своего письма, рассуждая в целом о людях, о небольшом проценте тех, кто способен оставить яркий след в жизни человека, и, разумеется, делая вывод о том, что Толстой именно такой человек. В послании Марков *использует фразу Гете*, позднее он включит ее в свой объемный роман «Черноземные поля», который вышел в свет через 12 лет после написания рассматриваемого письма. А.Н. Стрижев и М.А. Бирюкова так характеризуют значительный по масштабу роман Маркова: «В 1878 г. в Москве в издании книгопродавца М.О. Вольфа вышел в свет двухтомный роман Е.Л. Маркова “Чернозёмные поля”. Роман нравонаблюдательный, объемный, представляющий собою как бы эпос современной провинциальной русской жизни. Занимательные эпизоды сменяются один другим, заслоняя основную ткань произведения» [Стрижев: 200]. На самом деле роман у Маркова получился несколько растянутый, с идиллической любовной линией, замедленный с точки зрения развития действия. Однако причины этого связаны с важнейшим для нас в контексте данной статьи фактом: несомненно, одним из главных прототипов Анатолия Николаевича Суровцева был Толстой, причем именно в пору его жизни в Ясной Поляне в 1860-е гг., когда с ним общался Марков. Фраза о «голосах» и «эхо», высказанная повествователем сначала в отношении всего человечества, а после примененная к Суровцеву, является доказательством этого факта: «Природа творит в безостановочном круговороте, но по-разному». «Как ни богата зиждательница-природа, не хватает ее запасов на безрасчетную трату дорогих материалов» [Марков 1877, 1: 50]. «Значит можно оправдать ее сдержанность, можно понять, почему на всяком шагу мы имеем дело с песком и глиною и с таким трудом докапываемся до ослепительных зерен алмаза. “*В мире так мало голосов и так много эхо*” — сказал один из глубоких знатоков мира» (курсив мой. — В.А.) [Там же: 51].

Непосредственно после этой фразы Гете, образ которого скрыт в романе под перифразом «один из глубоких знатоков мира», следует описание жизни и внутреннего мира, убеждений Суровцева. Далее, учитывая Толстого как главный прототип Суровцева, мы можем говорить и собственно об отношении Маркова к писателю, ключевым сторонам его деятельности, проявленным через отражение в образе персонажа.

Уже в зрелом возрасте, вспоминая о своем расцвете и общении с Толстым, Марков писал: «Мне посчастливилось вести знакомство с Львом Николаевичем в самый мужественный расцвет его колоссального таланта, видеть его в его ежедневном быту, и учителем, и пасечником, и охотником, и музыкантом, и семьянином, и художником» [Марков 1900: 25]. На первое место Марков всегда ставил гениальный талант Толстого, прославлял в нем «могучие художественные силы». Однако это не мешало педагогу и литератору высоко оценивать и иные стороны деятельности Толстого. Суровцев в романе «Черноземные поля» не имеет такой увлекающейся природы художника, которая была характерна для Толстого, он внутренне одаренный и гармоничный человек, однако не писатель. Но, как и Толстой, он увлекается агрономией с попыткой практического ее применения в своем хозяйстве: «Суровцев был знаком теоретически с требованиями правильной агрономии и верил во многие из них. Но он не пробовал заводить у себя ничего нового, кроме того, что давно уже завел у себя мужик» [Марков 1877, 1: 58].

Фактически с Толстого «списаны» общественно-политические взгляды Суровцева в период его расцвета — характерные и для Толстого 1860—1870-х гг. — времени его семейного счастья и пребывания в Ясной Поляне: «Очутившись в деревне, Суровцев вдруг понял, что он не космополит, а русский человек. Он странствовал по Европе и видел многое. Он понимал все скверное в быту и характере мужика. Но все-таки оказывалось, что, несмотря на эти очевидные недостатки, Суровцев любит целиком русскую жизнь, русского человека. Он помнил и Женевское озеро у Монтре, и Бернский Оберланд в Интерлакене, и Corniche Средиземного моря, а любил душою ровную гладь с желтыми колосьями, с туманами лесов и деревень на горизонте» [Там же: 59].

Как и Толстой в жизни, Суровцев в романе Маркова отстаивает поведение мужиков, если уверен в их правоте, а также большое внимание уделяет вопросу народного обучения: «Его уже несколько лет занимала мысль устроить в Пересухе и других больших селах училища под своим надзором. С этой целью он даже желал попасть в земские гласные, с наступающего трехлетия» [Там же: 61]. Особенно это касается школ, которые для Суровцева прочно связаны с его земской деятельностью: «Создать в деревне хорошую и прочную школы, — лучшей услуги своему земству Суровцев не видел. В его глазах это был единственный могучий рычаг для начатия серьезной борьбы против многовекового зла, придавшего бедного деревенского труженика» [Марков 1877, 2: 49].

С уверенностью можно сказать, что второе письмо Маркова Толстому является одним из ярких во всей переписке Толстого с русскими писателями и литераторами. Еще более проникновенный отрывок о дружбе, необходимости собеседника, тяжести одиночества, взаимодействии душ присутствует в письмах Некрасова Толстому от 31 марта (12 апреля) 1857 г. и 5(17) мая 1857 г. Очень близки тематически и идейно к проблеме взаимного влияния людей строки Толстого в письме к Боткину от 27 июня (9 июля) 1857 г. Один из абзацев письма Маркова также посвящен вопросу исключительного воздействия выдающегося человека на окружающих. Критик и публицист, поясняя цитату

Гете, пишет Толстому об особенной силе жизненности, о ценности личности для других: «Характер Ваших литературных, педагогических, общественных и даже хозяйственных исполнен такой возбуждающей жизненности, что простительно и другим несколько черпать от нее. Я лично ценю человека по той степени электризации моей собственной жизни, которую тем или другим способом испытываю от него, и думаю, что человек, от соприкосновения с которым не колыхнется ни один нерв, ни одна кровинка — не нужен другим людям» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Позднее Марков в своей статье напишет о Толстом как о человеке, способном зажигать внутренний пламень его духа: «От духовного соприкосновения с ним, от обмена с ним мыслей, от слушания его одушевленных и образных рассказов, — точно влетали в меня, в самую глубь души моей, какие-то невидимые электрические искры, возбуждавшие электрический ток своего рода и во всем моем молодом тогда существе порождавшие во мне целые потоки мыслей, намерений, решений» [Марков 1900: 26]. Эта характеристика, по мнению многих писателей и известных деятелей, общавшихся с Толстым, глубока и справедлива.

Показательным во втором письме Маркова Толстому является упоминание о чтении будущего романа-эпопеи «Война и мир», который в то время уже начал издаваться в «Русском вестнике». Марков пишет о том, что с нетерпением ждет новой части «1805 года» (раннее название будущего романа-эпопеи). Он рассказывает Толстому о своем чтении, о природе и погоде в Крыму, сообщает новости о собственных детях, спрашивает о семье Толстого. Очень гармонично в этом искреннем письме совмещаются вопросы повседневной жизни и рассуждения о творчестве и призвании.

Переходы Маркова с темы на тему свидетельствуют о том, что его достаточно большое письмо явилось *ответным* на письмо Толстого, которое содержало ряд вопросов к Маркову. Уместно еще раз отметить не только влияние значительного таланта на окружающих людей, о котором писал Марков, но и взаимное влияние Маркова на Толстого. Опыт Маркова в области педагогики был писателю необходим, Толстой, по всей видимости, признавал авторитет и умения своего более молодого коллеги. Интересно, что в письме от 11 апреля 1866 г. Марков сразу после сообщения о семье и домашних хлопотах по поводу строительства зданий кратко пишет о собственном призвании: «Мне жребий выпал быть педагогическим Архитектором» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33]. А следующее предложение письма, скорее всего, стало ответом на вопрос Толстого о необходимости картинок в издании «Войны и мира». В данном случае Толстой обращался к Маркову и как к педагогу, прекрасно понимающему особенности восприятия людей разных возрастов, и как к думающему критику и писателю. Марков уверенно и однозначно ответил: «Картинок в романе не советую, выйдет детски и неинтересно» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Таким образом, два сохранившихся письма Маркова к Толстому позволили нам глубоко и полно посмотреть на взаимоотношения классика и педагога. Письма Маркова позволяют говорить о его идейной близости к Толстому, восхищении инициативностью и хозяйственностью Толстого, различными сторонами его жизни. Марков полностью поддерживал писателя в организации школ для народа, высоко оценивал его личные усилия, направленные на обучение крестьян, однако как педагог Марков видел крайности и промахи Толстого, сформулированные писателем в журнале «Ясная Поляна». Влияние Толстого на Маркова было огромным — сам педагог признавался в этом уже после своего отъезда в Крым. Разными убеждениями, качествами и сферами

активности Толстого 1860-е гг., которые виделись ему наиболее важными, Марков наделил героя своего объемного романа «Черноземные поля». В свою очередь Толстой воспринимал Маркова как отличного педагога и думающего человека, высоко ценил его советы.

#### Список источников

- Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. 495 с.
- Марков Е.Л. Теория и практика яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя // Русский вестник. 1862. № 5. С. 149—189.
- Марков Е.Л. Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. 131 с.
- Марков Е.Л. Черноземные поля. Роман в 2 ч. СПб.: Типография Г.Е. Благосветова, 1877. Ч. 1. 454 с. Ч. 2. 508 с.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928—1958.

#### Список литературы / References

- Абидуллаева Д.И. Жизнь и деятельность директора народных училищ Е.Л. Маркова в Крыму // Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2023. № 16. С. 131—134.
- (Abibullaeva D.I. The life and work of the director of public schools E.L. Markov in Crimea, *Voprosy krymsko-tatarskoj filologii, istorii i kul'tury*, 2023, iss. 16, pp. 131—134. — In Russ.)
- Андреева В.Г. «Катков ... как раз годится для публики»: переписка Л.Н. Толстого и М.Н. Каткова 1850—1860-х гг. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 20—39.
- (Andreeva V.G. “Katkov... Is Just Right for the Public”: Correspondence Between L.N. Tolstoy and M.N. Katkov in the 1850—1860s, *Two centuries of Russian classics*, 2024, vol. 6, iss. 2, pp. 20—39. — In Russ.)
- Андреева В.Г., Калюжная Л.В. Переписка Л.Н. Толстого и Ю.Ф. Самарина: новые контексты и проблемы взаимоотношений двух современников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 84—98.
- (Andreeva V.G., Kalyuzhnaya L.V. Correspondence of L.N. Tolstoy and Yu.F. Samarin: new contexts and Problems of relations between two contemporaries, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, iss. 9: Philology, pp. 84—98. — In Russ.)
- Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
- (Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869, Moscow, 1957. 915 p. — In Russ.)
- Коковина Н.З., Соловьев Д.Е. Образ автора в «Очерках Крыма» Е.Л. Маркова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3-2 (23). С. 4—9.
- (Kokovina N.Z., Solov'ev D.E. The image of the author in “Essays on Crimea” E.L. Markova, *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, iss. 3-2 (23), pp. 4—9. — In Russ.)
- Стрижёв А.Н., Бирюкова М.А. Евгений Львович Марков (1835—1903): Материалы к биографии // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 195—324.
- (Strizhev A.N., Biriukova M.A. Evgeniy Lvovich Markov (1835—1903): Materials for a biography, *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2019, iss. 46, pp. 195—324. — In Russ.)

**ABOUT THE SIGNIFICANT AND DEAR VOICE OF THE WRITER:  
TWO LETTERS FROM E.L. MARKOV TO L.N. TOLSTOY****Valeria G. Andreeva**A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow;  
Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

**Abstract.** For the first time in literary criticism, the article examines two letters from E.L. Markov to L.N. Tolstoy, which have not been previously published. These letters are kept in the manuscript department of the Tolstoy State Museum in Moscow. The letters cited and analyzed in this work contain important information necessary for understanding the relationship between the famous writer and teacher and drawing significant parallels. The author of the article comprehends the points of convergence and divergence of the two contemporaries, their views on pedagogy, artistic creativity, reveals Markov's polemical attitude towards Tolstoy's many extremes, and at the same time his deep admiration for the writer's talent and his ability to lead a fulfilling life in the village. It is for the first time that the image of Tolstoy — the owner, teacher, zemstvo figure and agronomist — is considered as a prototype of Surovtsev — the main character in Markov's novel "Black Earth Fields". Markov's letters make it possible to clarify some important points and details of Tolstoy's life. They also contain a deep thought about the degree of influence of an outstanding man on the people around him, especially on his social circle. The article shows the possible influence of Markov's ideas and his pedagogical experience on Tolstoy; it is noted that a certain controversy that developed between Tolstoy and Markov regarding issues of public education could have indirectly influenced the most important historical and philosophical problems raised by the writer later in the epic novel "War and peace".

**Keywords:** L.N. Tolstoy, E.L. Markov, correspondence, pedagogy, magazine "Yasnaya Polyana", training, peasant children, creative mutual influence

**For citations:** Andreeva V.G., About the significant and dear voice of the writer: two letters from E.L. Markov to L.N. Tolstoy, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 12—23.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

**Информация об авторе / Information about the author**

**Андреева Валерия Геннадьевна** — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва; Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru

**Andreeva Valeria Gennadievna** — Doctor of Sciences (Philology), assistant professor, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, lanfra87@mail.ru